

Чэнь Шоань сейчас пребывал в полном недоумении.

Он с застывшим выражением лица сидел в объятиях Юань Жана.

Настроение у того, кажется, было очень плохим — даже воздух вокруг словно застыл.

Из-за чего вообще может переживать четырнадцатилетний мальчишка?

Чэнь Шоань сопоставил это с собственным опытом и внезапно понял: наверняка не наелся.

Он потёрся пушистой головой назад и заботливо спросил:

— Ваше Высочество сегодня утром хорошо поели?

Щеку Юань Жана от этого щекотало; мысли рассыпались, но он выровнял поводья и чинно ответил:

— Неплохо.

Нет, брат, ты что, демон, который экономит каждое слово?

Чэнь Шоань устало продолжил:

— А наелись?

С Чэнь Шоанем у Юань Жана всегда было необычайно много терпения. Он тихо рассмеялся.

— Почему вдруг спрашиваешь?

По его реакции Чэнь Шоань понял, что дело, похоже, не в сытости, и просто замолчал, полностью переключившись на Чэнь Ганпао в своих руках.

Юань Жан незаметно положил голову ему на плечо и тихо втянул его запах.

— Мне не нравится Цинь Чжунлянь.

Чэнь Шоань почувствовал тёплое дыхание у уха. Юань Жан вроде что-то сказал, но разобрать не получилось.

— Ваше Высочество сейчас сказали, что хотите пир из целой курицы? — неуверенно переспросил Чэнь Шоань.

Ему было даже неловко: в последнее время он всё чаще слышал не то, что говорят.

Юань Жан бессильно улыбнулся и, подыгрывая ему, ответил:

— Мм.

———

После возвращения с горы Шэньинь Чэнь Шоань стал каким-то дёрганым и странным.

Чжэн Юаньчжи собрал остальных троих на совет: они пытались найти способ всё исправить и вернуть прежнего Чэнь Шоаня — своего близкого брата, с которым готовы были хоть одни штаны носить.

— Что с ним? Нечисть вселилась?

— Не знаю. Уже несколько дней такой.

— Точно. Всё время бормочет что-то про курицу и яйца. Я теперь, когда прохожу мимо, радуюсь хотя бы тому, что сам не курица, — оцепенело сказал Ли Вэй. По нему было видно: пострадал он немало.

Чжэн Юаньчжи выдвинул смелую гипотезу из области духов и демонов:

— А вдруг в горах в него вселилась лиса-оборотень? Вот и думает целыми днями, как бы курицу съесть.

Цинь Чжунлянь счёл это полным вздором и с отвращением сказал:

— Можете придумать хоть что-нибудь нормальное? Хватит каждый день вести себя так, будто у вас в мозгу даже мозжечка не выросло.

А Чжан Чэнгун встал горой за Чжэн Юаньчжи:

— По-моему, брат Юаньчжи рассуждает разумно. Раньше Шоань тоже вёл себя странно, но не настолько же, чтобы выглядеть душевнобольным.

С этими словами он взял кисть и начал размашисто водить ею по бумаге.

Цинь Чжунлянь стоял рядом и всё сильнее хмурился.

Когда мастер Чжан закончил рисунок, Чжэн Юаньчжи уставился на лист и спросил:

— А это что? Огромная мясная булка?

Чжан Чэнгун обеими руками поднял рисунок, осторожно подул на него и презрительно покосился на Чжэн Юаньчжи.

— Безвкусная ты вещь. Это жирная, упитанная наседка.

Чжэн Юаньчжи уже балансировал на грани ярости. Он закатал рукава и собрался броситься вперёд.

— Я сегодня тебя самого в наседку превращу!

Ли Вэй уже давно смотрел этот спектакль и поспешно вскочил, удерживая Чжэн Юаньчжи.

— Мир приносит богатство, мир приносит богатство.

Чжан Чэнгун не только безгранично верил в свой художественный талант, но и возлагал огромные надежды на собственный мозг.

Он начал объяснять остальным свой план:

— Если телом Шоаня и правда завладела лиса-оборотень, мы используем эту курицу как приманку. Лиса обязательно не выдержит и выдаст себя. Тогда позовём мастера провести обряд — и Шоань благополучно вернётся.

Чжэн Юаньчжи:

— ...

Ли Вэй:

— ...

Цинь Чжунлянь:

— ...

Идею он придумать мог. Вот только обычно это была плохая идея.

Чжан Чэнгун сам так воодушевился собственной речью, что вскочил и оттащил табурет далеко назад, издав скрежет, от которого по коже пошли мурашки.

Примерно как от его интеллекта.

— Шоань, иди сюда, взгляни. Красивая курочка? Кажется вкусной? — Чжан Чэнгун одним рывком подлетел к нему и распластался на столе Чэнь Шоаня, глядя с горячей надеждой.

— ...Курица? — Чэнь Шоань с недоверием посмотрел на то, что было нарисовано на бумаге.

Затем холодно усмехнулся:

— Красивая.

Услышав это, Чжан Чэнгун ещё сильнее уверился в своей догадке.

Ага! Даже перед нарисованной курицей устоять не может. Точно лиса-оборотень!

Чжан Чэнгун потёр руки и уже собирался героически схватить лису, занявшую тело его брата, как Чэнь Шоань одним пинком повалил его на пол.

С тремя частями холодности, тремя частями насмешки и четырьмя частями небрежности Чэнь Шоань произнёс:

— Я имел в виду: ещё раз покажешь мне эту уродину — и я сделаю так, что красиво будет уже тебе.

Чжан Чэнгун, словно проигравшая бой наседка, понуро вернулся к Чжэн Юаньчжи и остальным.

— Говорил же тебе почаще подпитывать мозг, а ты не слушал, — Ли Вэй веселился от души: представление вышло замечательное.

Цинь Чжунлянь тоже не удержался и рассмеялся до слёз.

Чжэн Юаньчжи задумался:

— Так зачем ему всё-таки курица и яйца? Цыплят выводить?

Ли Вэй фыркнул:

— И шестой принц согласится? Одной Чэнь Ганпао уже хватает, а ещё и кур разводить — это вряд ли реально. Даже если бы шестой принц был родным папашей Чэнь Шоаня, не позволил бы сыну превращать свой двор в чёрт знает что...

Он вдруг что-то вспомнил и мгновенно закрыл рот.

— Хотя шестой принц, кажется, и правда способен ему разрешить.

— ...

Все замолчали.

Цинь Чжунлянь сухо кашлянул. Он вспомнил непонятный тёмный взгляд, которым Юань Жан смотрел на него в тот день, и внутри стало не по себе. Поэтому он сменил тему:

— Чэнь Ганпао становится всё невоспитаннее. Каждый раз, как видит меня, бросается кусаться. Сама размером с козьяку, а как время кормёжки — орёт громче новогодних хлопушек. Точнее дворцовой клепсидры.

— Я даже не замечал. По твоим словам выходит, когда Чэнь Ганпао вырастет, станет свирепой собакой? — Чжэн Юаньчжи нахмурился. Он и подумать не мог, что Чэнь Шоань сумел вырастить её с таким характером.

Цинь Чжунлянь горько ответил:

— Она только на меня зуб держит.

Ли Вэй при одной мысли об этом рассмеялся и вступился за щенка:

— Чэнь Ганпао каждому встречному виляет хвостом, характер у неё прекрасный. Просто подвижная немного. Правда, во дворе, где её держат, теперь не осталось ни одного целого куска штукатурки.

Чжэн Юаньчжи:

— ...

И это ты называешь «подвижная»?

Чжан Чэнгун расхохотался:

— Ганпао всегда выглядит не слишком умной. Какая она свирепая собака? Скорее бракованная собака.

Четверо переглянулись с насмешкой и хором сказали:

— Не зря собака Чэнь Шоаня.

А хозяин обсуждаемой собаки, Чэнь Шоань, всё ещё сидел с мрачным лицом.

С того самого момента, как его Высочество сказал, что хочет пир из целой курицы, Чэнь Шоань принял решение.

Он устроит шестому принцу лучший куриный пир во всей Великой Жун.

Тем более что он ещё задолжал Его Высочеству два печёных яйца — заодно вернёт и этот долг.

Чэнь Шоань рассеянно слушал, как наставник на кафедре излагает классические премудрости, а сам тайком чистил под столом мандарин.

Луч солнца пробрался через окно и как раз упал на его щёку.

Чэнь Шоань чуть повернулся и сильнее сжал кожуру. Сок брызнул наружу, в солнечном свете образовав красивую тонкую дугу.

Чэнь Шоань целиком запихнул мандарин в рот и продолжил с огромным удовольствием играть кожей.

— Чем это ты занимаешься? — наставник уже давно заметил неладное и наконец не выдержал. Он спустился с кафедры, намереваясь призвать невнимательного ученика к порядку.

Но ровно в тот момент, когда наставник наклонился посмотреть, с чем тот возится, струя мандаринового сока стартовала с места и брызнула ему прямо в глаз.

Чэнь Шоань тут же мысленно начал читать «Сутру Кшитигарбхи».

Не то чтобы мне совсем некуда идти. У меня ещё есть путь к смерти.

<http://bllate.org/book/23984/2835239>